

**ХОРОШО ГОВОРИТЬ ПО-ГРЕЧЕСКИ,
ИЛИ ПЕРЕЕЗД КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИХ ГРЕКОВ В АФИНЫ¹**

*Работа представлена кафедрой общего языкознания
Санкт-Петербургского государственного университета..
Научный руководитель – доктор филологических наук, профессор Ф. А. Елоева*

В статье рассматривается оценка константинопольского диалекта греческого языка его носителями и интерпретация лингвистических особенностей языка как границы между афинским и стамбульским греческими сообществами.

The article analyzes attitudes of the Istanbul Greeks to their dialect and their interpretation of linguistic phenomena as a border between two Greek communities of Athens and Istanbul.

После греческой революции 1821 г. неизбежно возникает противостояние между двумя политическими центрами – константинопольским патриархатом и столицей нового государства Афинами. Константи-

нополь окончательно теряет власть над греческим населением после малоазийской катастрофы 1921 г., однако уже в конце XIX в. Афины начинают отчасти контролировать греческое образование в городе,

а следовательно, приобретают механизм для формирования общественной идеологии. Соревнование между двумя городами, которое, как кажется, сходит на нет в начале XX в., вновь становится актуальным уже не на политическом уровне как борьба за власть, а в рамках взаимодействия двух сообществ, когда в середине XX в. начинается переселение константинопольских греков в Афины и другие города Греции. Настоящая статья будет ограничена только Афинами.

Говоря о противостоянии двух центров, необходимо учитывать размытость границ между греческим населением Афин и Константинополя как в XIX, так и в XX вв. Константинопольцы всегда сохраняли контакты с греческим государством. Тем не менее переселенцы из Константинополя, приезжающие в 1945, 1955, 1964 и 1974 гг. в Афины, образуют достаточно обособленную группу населения.

В рассказах о жизни в турецком окружении информанты подчеркивают, что именно различия в языке обеспечивали «выживание» группы. При переезде в Афины неизбежно происходит естественный процесс ассимиляции языка константинопольских греков с афинской нормой новогреческого языка, под влиянием которой иноязычные заимствования постепенно утрачиваются в лексиконе константинопольских греков. Действительно, широкое употребление турецких, французских и итальянских заимствований можно отметить лишь в речи 97-летней информантки Евангелии К.² Однако насколько бы ни были малы на сегодняшний день лингвистические различия между диалектом константинопольских греков и современной греческой нормой, интересно, что по идеологическим причинам эти различия всегда подчеркиваются самой группой выходцев из Стамбула, которые уже в течение нескольких десятилетий живут в Афинах. В современном контексте некоторые особенности становятся маркерами сообщества, которое

оно очевидным образом культивирует. Таким образом, появляется серия нарративов, в которых язык оказывается главным объектом конкуренции, первым объектом повествования в рассказах-сравнениях Константинополя и Афин. Критикуя своих же соотечественников константинопольских греков за ассимиляцию с афинским городским населением, Мария Л. говорит: «Они (переселенцы из Стамбула. – В. Ф.) думают, что жители Греции хорошо говорят по-гречески, а мы в Константинополе не говорили хорошо по-гречески, странное дело!»³

В целом термин «хорошо говорить по-гречески» является не столько лингвистической, сколько общекультурной меркой. Под «хорошим греческим языком» подразумевается не соблюдение грамматических правил или владение языком на уровне родного, а целый ряд более общих характеристик, которые информанты часто выражают при помощи понятия «языка» и данной конкретной формулы о качестве речи говорящего. Поэтому сама идея конкуренции константинопольцев с афинянами, зачастую выраженная через языковые отличия, затрагивает и другие уровни взаимодействия сообществ.

В рассказах об отличиях в первую очередь информанты упоминают о наличии в стамбульском диалекте древнегреческой и византийской лексики: «То, чем моют тарелки, мы это называли $\pi\upsilon\alpha\kappa\omicron\lambda\eta\tau\eta\zeta$, от древнегреческого $\pi\upsilon\alpha\acute{\alpha}\xi$ – тарелка, а здесь говорят $\beta\epsilon\tau\epsilon\acute{\xi}$... Правильно по-гречески $\pi\upsilon\alpha\kappa\omicron\lambda\eta\tau\eta\zeta$ ⁴. Нередко информанты подчеркивают тот факт, что даже в быту константинопольские греки сохраняли древнегреческие слова. Таким образом употребление отдельных архаичных лексем в константинопольском диалекте связывается с общей идеей преемственности между Константинополем и античным миром. Информанты пытаются доказать, ссылаясь на особенности собственного языка, что в соревновании за звание наследника древнегре-

ческой культуры Афины уступают Константинополю. «Правильность» языка превращается в историческую категорию. Хорошо говорить по-гречески может человек, владеющий в той или иной степени древнегреческим языком. Соответственно, именно за неумение обращаться с древнегреческими корнями критикуется официальный язык греческого государства. «Хорошо говорить по-гречески» – это значит принадлежать к культуре большого города или «подражать» этой культуре (ассимилироваться). Константинопольцы пытаются объяснить тенденции к обособленности сообщества константинопольских греков за счет неприятия Афин именно как «законодателя» языковой нормы.

Наличие турецких заимствований в языке вовсе не противоречит общей концепции правильного константинопольского греческого языка: «Мы говорили так (используя турецкие заимствования – В. Ф.), но и когда надо было говорить правильно, мы говорили правильно»⁵.

Все информанты достаточно свободно говорят по-турецки. Многие регулярно посещают Стамбул, у некоторых остались родственники на территории Турции. В разговоре по-гречески между собой они иногда вставляют фразы по-турецки без какой-либо очевидной причины. Турецкий язык также используется часто как тайный язык, непонятный греческому окружению⁶.

Константинопольцы очень любят языковые шутки, построенные на смеси турецкого и греческого языков: «В котором часу поднимется автобус? Так мы говорили, потому что по-турецки *otobüs ne zaman kalkacak* говорили. *Kalkmak* значит “подниматься” и некоторые наши приезжали сюда и говорили шоферу: в котором часу поднимется автобус? Когда ему захочется, госпожа моя, отвечал шофер»⁷. В данном случае пикантный оттенок шутке придает калькирование турецкой фразы по-гречески.

Иногда эти рассказы передаются в качестве семейных преданий о малоазийских

бабушках (именно бабушках, так как мужчины обычно владели греческим языком в большей степени, чем женщины). «Это было что-то странное, потому что она (бабушка – В. Ф.) говорила, скажем: молитвами наших Святых Отцов, как говорят, она говорили *aziz pateraslar*, то есть слово *патераζ, πατερων* (“отец”) она говорила по-гречески, *των αγιων* (“отцов”) – *aziz* – по-турецки. То есть *aziz pateraslar*, и моя мама мне рассказывала, единственное, что я до сих пор помню – *aziz pateraslar*, потому что они танцевали вокруг бабушки и пели»⁸. В рассказе Марии Л. бабушка⁹ образует множественное число от греческого номинатива (димотики) *патераζ* «отец» с помощью турецкого суффикса множественного числа *-lar*.

В целом владение турецким языком рассматривается как предмет гордости. Ценность владения несколькими языками подтверждают все информанты, даже более того, парадоксальным образом *само понятие «хорошо говорить по-гречески» в константинопольской интерпретации включает в себя также и знание других языков*. Из-за чего афинские греки вновь подвергаются критике: «Я ее (девушку на работе. – В. Ф.) пожалела, что до 30 лет ей ни разу не пришлось слышать слово *diner* “обед”»¹⁰. Многоязычие и знание «чужих» культур декларируется константинопольскими греками как часть «правильной» греческой идентичности.

Из всех других носителей разных греческих диалектов, переехавших в Афины с территории Греции и Турции¹¹, константинопольцы, пожалуй, образуют наиболее обособленную группу населения. Тенденции против ассимиляции, обусловленные историческими событиями, выражаются в попытке осмыслить языковые несоответствия как границу между сообществами. Данное осмысление принимает форму конкуренции, в то время как особенности константинопольского диалекта интерпретируются как общие ценности сообщества,

ОБЩЕСТВЕННЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

такие как свободное владение несколькими языками, знание древнегреческого языка, а следовательно, образованность и общенность к византийской церковной

культуре. Информанты выстраивают целый ряд антиассимиляционных причин, основой для которых оказываются именно языковые несоответствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант – 07-04-00286а).

² Af_07_01, Evangelia K., 1910 г. р., Константинополь.

³ Af_07_03, Maria L., 1945 г. р., Константинополь.

⁴ Af_07_02-2, Androniki N., 1952 г. р., Константинополь.

⁵ Af_07_03, Maria L.

⁶ Af_07_02-1, Dimitris N., 1948 г. р., Константинополь.

⁷ Af_07_02-1.

⁸ Af_07_03, Maria L.

⁹ Бабушка информантки происходила из города Муталаски (византийское название, современное греческое и турецкое название Талас – Talas, Фьлбт), который находился в восточной части Каппадокии, на юго-востоке от Кесарии.

¹⁰ Af_07_04, Mariola R., 1938 г. р., Константинополь.

¹¹ Я имею в виду, конечно, «старую» волну переселенцев. Иммигранты с территории бывшего СССР представляют собой явление иного порядка.